

Литература

1. Гаек П., Гавранек Т. Автоматическое образование гипотез. М., Наука. 1984. 277 с.
2. Искусственный интеллект. Справочное издание в 3-х кн. М., Радио и связь. 1990.
3. Логический подход к искусственному интеллекту. М., Мир. 1990. 428 с.
4. Обработка знаний / Под ред. С.Осуги. М., Мир. 1989. 293 с.
5. Поспелов Д.А. Логико-лингвистические модели в управлении. М., Энергоатомиздат. 1981. 231 с.
6. Поспелов Д.А. Моделирование рассуждений: опыт анализа мыслительных актов. М., Радио и связь. 1989. 184 с.
7. Представление и использование знаний / Под ред. Х.Уэно, М.Исудзука. М., Мир. 1989. 220 с.
8. Финн В.К. О машинно-ориентированной формализации правдоподобных рассуждений Ф.Бэкона и Д.С.Милля // Семиотика и информатика. М., 1983. Вып.20. С. 35-101.
9. Финн В.К. Об обобщении ДСМ-метода автоматического порождения гипотез // Семиотика и информатика. М., 1989. Вып.29. С. 93-123.
10. Bobrow D. (Editor). Special issue on non-monotonic logic // AI. 1980. V.13. 216p.
11. Lipski W. On data bases with incomplete information. Cambridge. (Mass.). MIT Press. 1979. 206p.
12. Post E. Formal reduction of general combinatorial // Amer. J. Math. 1943. V. 65. № 2. P. 197-215.
13. Эволюция концепций компьютерной репрезентации знания и эпистемологического содержания искусственного интеллекта. Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л., Иноземцев В.А. Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2012. Т. 3. № 2. С. 294-298.
14. Методологическая роль категорий необходимости, случайности и возможности в научном познании. Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л. М-во образования и науки Российской Федерации, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Московский гос. технический ун-т "МАМИ". Москва, 2011.
15. The methodological role of categories of chance, necessity and possibility of scientific knowledge. Ivlev V., Bargamyants M., Selyutin A. Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2008. № 1. С. 250-254.
16. Научный этап развития психологической концепции одаренности: тенденции, направления, подходы. Ивлева М.Л., М.: Издательство МГТУ «МАМИ», 2012. 195 с.
17. Становление новой философско-методологической парадигмы современной науки в условиях информационного общества. Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л., Иноземцев В.А., М.: ООО «ИТО СЕМРИК». 2012. – 133 с.

ОСМЫСЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА: ФИЛОСОФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ***Тема смерти и спасения в русской философии***

Ершов Н.М., проф. д.ф.н. Никитина И.П.

Университет машиностроения

ershov1947@ya.ru, Nikitina_ip@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются взгляды русских социальных мыслителей на проблему смерти и спасения. Особое внимание уделяется концепциям Л. Толстого, Н. Фёдорова и И. Мечникова. Также описываются современные социальные и социологические исследования этой темы.

Ключевые слова: социальная философия, русская философия, смерть, спасение, социальные аспекты смерти, медицинские аспекты смерти, общество, наука, медицина, этика.

В исследовании темы смерти и спасения особое место принадлежит русской социальной философии: Н. Федорову, К. Циолковскому, Л. Толстому, В. Розанову, Ф. Достоевскому, Н. Лосскому, Л. Карсавину, И. Мечникову. В их подходах к анализу данного феномена всегда учитывался архетип православной культуры, в рамках которой начинала разрабатываться проблематика смерти в отечественной философской мысли (Владимир Мономах, Кирилл Туровский), а также ее интерпретация современностью: Г. Федотовым, М. Киселевой, А. Демичевым, С. Дамбергом, М. Рабжаевой и др. На основании особого статуса смерти в русской культуре (не только в философии, но и в литературе, живописи, кинематографе) в социальной философии преодолевается узко оценочный подход к проблеме в пользу ее онтологизации. При этом происходит совмещение этической и онтологической плоскостей, что является особенно востребованным задачами современной биоэтики.

Наиболее оригинальный подход к решению традиционной проблемы русской философии, имеющей свое начало еще в древнерусской мысли, проблемы воскресения и спасения человека в Боге, представлен в философской концепции Н. Фёдорова. Русский мыслитель значительно расширяет рамки этой проблемы, поднимая ее до вопроса о спасении всей Вселенной от зла. Это оригинальная религиозно-мистическая и, можно сказать, религиозно-фантастическая концепция. Она получила наименование "философии общего дела", так как именно идея "общего дела" всего человечества лежит в ее основе. Сам Н. Федоров постоянно говорил о том, что философия нужна для того, чтобы быть "проектом всеобщего дела". Однако человечество не может в своем разобщенном состоянии реализовать столь глобальную задачу. Главная причина - смерть, которая прерывает жизненный путь каждого человека. И здесь Федоров выдвигает смелый и неожиданный тезис – смерть преодолима. Ведь если Господь создал человечество для спасения Вселенной, то, значит, он предусмотрел и преодоление смерти. Примечательно, что Федоров понимал преодоление смерти не в метафизическом смысле, как возможность достижения вечной жизни духа после физической смерти тела. Философ утверждает, что смерть преодолима именно в физическом смысле – человечество способно добиться физического бессмертия.

С точки зрения Федорова, смерть – явление временное, обусловленное "невежеством" и "несовершеннолетием" [14] человечества, потерявшего свое единство. Поэтому, необходимо объединение всех сил всего человечества и объединения веры и науки. Вера, по Фёдорову, указывает цель – преодоление смерти, а наука дает средства достижения цели – с помощью науки люди могут подчинить природу и научиться управлять планетами, атомами и молекулами. Именно ученые способны создать идеальное общественное устройство – психократию. в основе которого будет лежать принцип всеобщего братства. И тогда человечество сможет победить смерть.

Учение Н. Федорова сыграло большую роль в истории отечественной философии. Его идеи нашли свою интерпретацию в разных философских учениях. Н.А. Умов, К.Н. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский развивали "философию общего дела" в естественно-научном направлении, создав и оформив учение "русского космизма". В частности, Циолковский утверждал, что "вся суть – в переселении с Земли и в заселении космоса". В другом, религиозно-богословском направлении, трактовали "философию общего дела" В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и другие русские мыслители.

Тема смерти глубоко волновала и великого русского писателя-философа Л. Толстого. Смерть по Толстому – это мучительная гибель, напоминание о бессмысленности жизни. Чтобы преодолеть смерть, мы должны порвать все узы, которые связывают нас со всем личным: с нашими близкими, с нашей собственностью, нашей славой и нашим успехом. Мы должны возвыситься в любви ко всему и всем, что идентифицирует нашу жизнь с самой жизнью. Тогда смерть не настигнет нас. Наша смерть – это только физическое изменение плоти, которое – если смотреть глубже – касается нас так же мало, как какой-либо другой из отдельных предметов бытия. «В космическом упоении любви перестают действовать разрушительные силы пространства и времени», – напишет Толстой в своем наиболее глубоком философском произведении «О жизни». Вся философия Толстого восходит к мысли о смер-

ти, и многое в ней представляет попытку принять факт смерти. Согласно Толстому, думать – значит вспоминать о бренности всего. Найти смысл в существовании для Толстого – значит найти что-либо, преодолевающее смерть. И вопрос о смысле жизни для Толстого – важнейший религиозный вопрос. Религия и смерть близки. Религия для Толстого – это сила, которая дает человеку возможность находиться перед фактом смерти и при этом не расстаться по собственной воле с жизнью.

За две с половиной тысячи лет до него Сократ в передаче Платона высказывал сходные мысли. “А вам, мои судьи, – говорил он, – я хочу теперь объяснить, почему, на мой взгляд, человек, который действительно посвятил жизнь философии, перед смертью полон бодрости и надежды обрести за могилой величайшие блага. (...) Те, кто подлинно предан философии, заняты на самом деле только одним – умиранием и смертью. Люди, как правило, этого не замечают, но если это все же так, было бы, разумеется, нелепо всю жизнь стремиться только к этому, а потом, когда оно оказывается рядом, негодовать на то, в чем так долго и с таким рвением упражнялся!” (Федон, 63е-64а). В другом месте он поясняет: “...истинные философы гонят от себя все желания тела, крепятся и ни за что им не уступают, не боясь разорения и бедности в отличие от большинства, которое корыстолюбиво” (82с). “Кто заботится о своей душе, а не холит тело, тот расстается со всеми этими желаниями” (82d). “Тем, кто стремится к познанию, хорошо известно вот что: когда философия принимает под опеку их душу, душа туго-натуго связана в теле и прилеплена к нему, она вынуждена рассматривать и постигать сущее не сама по себе, но через тело, словно бы через решетки тюрьмы, и погрязает в глубочайшем невежестве...” (82е) [5].

И все же люди нередко, концентрируя свои мысли на неотвратимости смерти, приходят к неутешительному выводу о тщетности своих усилий, к различным пессимистическим решениям. Даже у такого сильного человека и глубокого мыслителя, как Лев Толстой, бывали минуты пессимизма и слабодушия, вызванные этими мыслями. Вот что пишет об этом И.И. Мечников: «Когда Толстой, преследуемый страхом смерти, спросил себя, не может ли семейная любовь успокоить его душу, он тотчас увидел, что это – напрасная надежда. К чему, спрашивал он себя, воспитывать детей, которые вскоре очутятся в таком критическом состоянии, как их отец?». Далее Мечников цитирует Толстого: «Зачем же им жить? Зачем мне любить их, растить и блюсти их? Для чего же отчаяние, которое во мне, или для тупоумия? Любя их, я не могу скрывать от них истины, – всякий шаг ведет их к познанию этой истины. А истина – смерть». Мечников комментирует: «Понятно, что некоторые люди, дойдя до такого пессимистического воззрения, воздерживаются от произведения потомства» [13]. Видите, как Толстой повернул вопрос: «смерть – истина». Поистине убийственная фраза! Но в том-то и дело, что смерть – не вся истина, а следовательно, – полуложь.

Горькие рассуждения Толстого и комментариев Мечникова обнаруживают еще одну важную сторону вопроса: чистые мысли о смерти, смертности человека *несовместимы* с семейной любовью, деторождением. И если последние – факт и истина, то, следовательно, первые не соответствуют действительности. И еще: производство потомства, продолжение рода – это прорыв в бессмертие, это реальное, фактическое *соединение* конечности и бесконечности существования. Естественно, мысль о чистой смертности человека сопротивляется этому соединению и в отдельных случаях, как указывает И.И. Мечников, на самом деле препятствует ему. Нужно, следовательно, гнать эту мысль прочь как вредную и опасную для человека.

И.И. Мечников приводит также мнения некоторых деятелей о тщетности научных исследований и открытий, поскольку они якобы не находят «другого конечного решения, как предположения могильного уничтожения». Он пишет: «Когда в споре о банкротстве её (науки - Н.Е.) Ш. Роше приводит благодетельное лечение дифтерита специфической сывороткой в доказательство могущества научных открытий, то Брюнетьер отвечает ему: “Серотерапия не помешает нам умереть и, более того, не научит нас, зачем мы умираем”. Всегда мы возвращаемся к вопросу о смерти. Стоит ли вылечивать от дифтерита ребенка, обреченного сделаться взрослым, чтобы узнать о неизбежности смерти, которая должна наполнить его ужа-

сом?» Далее Мечников комментирует: «Если наука бессильна разрешить важнейшие задачи, терзающие человечество, если она отказывается от этого по недостатку знания, если она не находит другого конечного решения, как предложение могильного уничтожения, то легко понять, что многие, даже самые выдающиеся умы отворачиваются от нее. Желание найти какое-нибудь утешение в страданиях нашего бытия без определенной цели направляет их в объятия религий и метафизик. Вот почему в современном человечестве, несомненно, замечается стремление назад к вере. Погружаются в мистицизм, думая, что он даст ответ менее безотрадный, чем уничтожение, небытие» [13, с. 18].

Как видим, здесь тот же мотив, что и в рассуждениях Толстого. Только на этот раз речь идет не о семейной любви и производстве потомства, а о научном творчестве. Зачем творить, выдумывать, пробовать, если нас всё равно ждет могильное уничтожение?! Мысль о чистой смертности и здесь направлена против соединения конечности и бесконечности существования. Ведь научное творчество, как и семейная любовь, разрешает противоречие между смертностью и бессмертием, делает человека бессмертным. Последний комментарий Мечникова интересен еще тем, что в нем явственно показано, к чему может привести противопоставление смерти и бессмертия. Либо полное уничтожение и тогда все бессмысленно, либо вера в потустороннее бессмертие – здесь нет ничего, кроме шараханья из крайности в крайность. Сначала мы доводим до абсурда мысль о смерти, приравниваем ее к полному уничтожению, а затем отбрасываем ее, отказываемся от всякого рационального объяснения и бросаемся в объятия религии и мистицизма, которые обещают нам потустороннее бессмертие.

Итак, в мыслях о смерти, смертности есть своя логика, отравляющая сознание человека, мешающая ему жить, любить и творить. Эти мысли ядовиты не только своей логикой, но и своей эмоциональной силой. Они лежат в основе таких эмоциональных состояний, как страх смерти и отчаяние. В этих состояниях, правда, нет прямого стремления к смерти. Тем не менее, они убивают, быстро или медленно, в зависимости от своей силы.

Сопротивление смерти всей нации (народа) выражается также в формировании жизнеспособных, жизнестойких поколений. В условиях принципиальных перемен, когда жизненный опыт старших поколений не всегда и не во всем пригоден для младших, последние прокладывают свой путь по жизни путем проб и ошибок. Это характерно для России. Жизнестойкость молодого поколения во многом зависит от школы, в том числе и высшей. Она не только должна подготовить молодых людей к жизненной борьбе в новых условиях, но и ценностно ориентировать на сохранение и развитие всякой жизни – в этом основа этического обновления общества и человечества.

Литература

1. Александер Ф., Селесник Ш. Человек и его душа: познание, врачевание от древности и до наших дней. М., 1995.
2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
3. Борисов С.Б. Смерть. Рефлексия. Творчество. Новосибирск, 1990. Ч. 2.
4. Брэгг П. Здоровье и долголетие. М., 1996.
5. Булгаков С. Софиология смерти // Вестник РХД. 1978. № 127.
6. Государственная молодежная политика в Российской Федерации. М., 1995.
7. Захарова О.Д. Демографический кризис в России: уроки истории, проблемы и перспективы // Социс. 1995. № 9.
8. Карсавин Л. Поэма о смерти. М., 1992. Т.1.
9. Моуди Р. Жизнь после смерти. М., 1991.
10. Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
11. Рэндлз Д., Хог П. После жизни. Ярославль, 1994.
12. Судьбы людей: Россия XX век. М., 1996.
13. Тайна смерти. М., 1995.
14. Федоров Н. Сочинения. М., 1982.